

ГЮЛЬШЕН ТОФИГГЫЗЫ

РАССКАЗЫ

Выбор

Сара-ханым вышла из дома, осторожно прикрыв за собой дверь. На ключ запереть не стала. На тот случай, если бабушке понадобится помощь соседей: что ни говори, а девятносто восемь лет – это вам не пахлава миндальная. Сара, хоть и бранила старушку за частое упоминание о смерти, но и сама понимала, что ее жизненный ресурс практически исчерпан. Сара старалась проводить с ней как можно больше времени. Думая о том дне, когда бабушки не станет (даже мысленно Сара не могла сказать «умрет»), она с трудом сдерживала слезы. Старушка слишком много для неё значила. Бабушка не могла пользоваться сотовым телефоном, поэтому Сара и не запирала дверь, уходя из дому. Если задерживалась на работе или у учеников, просила соседку приглядывать за ней. Уже у ворот Сара-ханым почувствовала вибрацию мобильного. Это была Айсель, одна из ее студенток. С двумя своими сокурсниками Айсель готовилась к участию в очередном шоу-конкурсе. Несмотря на все возражения Сары, девушке удалось сломить ее упорство и уговорить принять участие в подготовке всех троих к конкурсу. Чего греха таить – тут и возможность заработка сыграла свою роль. Но самое главное – личная симпатия к трем неразлучным юным очаровашкам. С одним из ребят, Закиром, Айсель была помолвлена. Не за горами и свадьба, ее решили сыграть в середине августа.

– Сара Алиевна, здравствуйте, – услышался в сотовом голос Айсель. – Можно перенести сегодняшнее занятие на вторую половину дня? Или на завтра?

– Можно. А что произошло? – обеспокоено спросила Сара. Ее ученики чаще просили о дополнительных уроках, чем о переносе.

– Ничего особенного. Хотели с мамой съездить на ярмарку. У нее не всегда есть время.

– Ясно, к свадьбе готовимся, – засмеялась Сара. Ее радовали счастливые хлопоты молодых. – Хорошо, что ты сейчас позвонила. А то я уже выходила из дому.

– А хотите с нами, Сара Алиевна?

– Нет, спасибо. Займусь своим хозяйством. Удачных вам покупок, – Сара опустила мобильник в сумку и посмотрела на часы. Было десять. Сара мысленно корректировала дневной план. Она решила не откладывать на субботу «поход» на почту, чтоб оплатить счета за телефонные переговоры и электричество. После пойдет все-таки на работу забрать забытый вчера в кабинете купленный для бабушки фланелевый халатик. А на обратном пути заглянет на рынок. Зато субботу, освобожденную от базара и почты, можно будет посвятить «ревизии» шкафов и антресолей, а в воскресенье навестить родителей. «Может быть, и до поликлиники доберусь наконец», – думала Сара-ханым. В последнее время участились боли в правом боку. Надо сделать УЗИ. И кардиограмму сделать не помешает. Она давно обещает себе зайти в поликлинику «в эту субботу». Вот и подвернулся удобный случай сдержать обещание. От почты до консерватории решила пройти пешком. Почему бы и нет? Сейчас только одиннадцать, времени на посещение поликлиники и рынка предостаточно. А денек выдался такой свежий! Не жарко, не прохладно – в самый раз прогуляться по умытым ночным ливнем улицам. Через пару часов от этой свежести не останется и следа, стада автомобилей, сбивающихся в нервно фырчащие пробки, осушат асфальт резиной колес и сметут на нет все усилия апрельского дождя. К удивлению Сары, ключа от кабинета в кабинке охранника не оказалось.

– Ваши студенты опередили вас, – приветливо улыбнулся мужчина в униформе.
– Они сказали, что вы вот-вот подойдете. Та девушка, Айсель, и парнишка с ней.

– Закир? – Сара была озадачена. Не знала, что и думать. Ответ охранника еще более спутал ее мысли.

– Нет, другой. Забыл, как его зовут. Они все время вместе ходят, втроем.

– А-а, Эмин, – Сара достала из сумки сотовый, начала набирать номер Айсель, но передумала и снова убрала телефон в сумочку. Она решила, что поездка Айсель на ярмарку не состоялась, и ребята просто пришли позаниматься сами, без нее. Такое случилось. Но зачем было обманывать охранника, ссылаясь на Сару? Врушка маленькая! Дети, одно слово. Что с них взять? Не сегодня-завтра семьями обзаведутся, а все равно дети.

Дверь в кабинет была не заперта. Сара-ханым вошла и... остолбенела: Эмин, друг Айсель и ее жениха, нависал над изнывающей от страсти похотливой девицей. Джинсы на нем были приспущены, ремень расстегнут, одной рукой он сжимал колено девушки, другой сдавил ей плечо, прижимая к стене. Даже почувствовав, что их кто-то обнаружил, они не находили в себе сил остановиться или хотя бы оглянуться. Сара-ханым захлопнула дверь, не входя в комнату. Она стояла за дверью, словно опустошенная, униженная, оплеванная... Женщина была бледна, на лбу выступила испарина. Сама удивлялась, как устояла на ногах. Сердце стучало уже не в груди, а в горле, давило изнутри на барабанные перепонки. Через минуту дверь распахнулась. Перед Сарой стояла игриво-смущенная Айсель, совершенно невинно, по-детски хлопая пушистыми ресницами.

– Простите, Сара Алиевна, я не думала, что вы придете, – притворно-стыдливо пролепетала она. Но, моментально сориентировавшись и поняв, что преподаватель на грани обморока, абсолютно спокойно и цинично добавила: – У вас такое выражение лица, будто увидели стриптизера-инопланетянина.

– Шлюха, лицемерка, дрянь! А ты предатель и подонок! – хотела крикнуть Сара-ханым, но горло словно сдавило. Одними губами она едва слышно произнесла: – Уходите отсюда, немедленно уходите!

– Уходим, уходим, успокойтесь, – кривя губки, маленькая нахалка подняла с пола пакет с фланелевым халатиком, упавший со стола, на котором только что украшала лентами и колокольчиками рога своего жениха. Она бросила пакет на крышку пианино и потянула за собой раскрасневшегося юношу. – Подумаешь! Что тут такого? Можно подумать, конец света настал!

– Скоро настанет... – прошептала Сара.

– Тем более!

– До свидания, Сара Алиевна, извините, – скороговоркой распрощался лучший друг жениха и, как ни в чем не бывало, чмокнул любимую учительницу в щеку.

Хлопнула дверь. Сара опустилась на стул. Ей хотелось плакать. Она ведь их так любила! Всех троих... Но как же теперь заниматься с ними? Делать вид, что ничего не произошло и быть соучастником маленьких поганцев? Отказаться от занятий? Но чем объяснить отказ Закиру? Саре казалось, что пол под ногами ходит ходунгом. Голова кружилась, к горлу подступала тошнота.

– Какой цинизм! Так убедительно врала, даже предлагала съездить с ней на ярмарку... – мысль о том, что подобное происходило тут не однажды, вызывала чувство брезгливости и стыда. – Бедный Закир, бедная его мама. Она так радуется успехам сына. Собирается отдать молодым свою квартиру и перебраться жить к сестре после их свадьбы. Теперь, выходит, я покрываю эту маленькую мерзавку. Хорошее положение, ничего не скажешь... Надо поговорить с ее матерью! Пусть образумит дочь, пока не поздно. Она женщина интеллигентная. Очень приятная женщина. В кого эта лицемерка? Да что там! – поганый гриб и без земли вырастет. Нет, не смогу... Что же делать?..

Сара уложила в сумку пакет со злосчастливым халатиком (не зайди она за ним, жила бы в счастливом неведении!), открыла на несколько мгновений окно, словно желая изгнать из комнаты дух коварства и блуда. Голова просто раскалывалась. Поскорей бы до дома добраться!

О рынке уже и речи быть не может. Сара брела на автобусную остановку, еле волооча отяжелевшие ноги. Утреннее желание «сделать» оздоровительную пешую прогулку пропало вместе с хорошим настроением. Она села в полупустой автобус, не особенно приглядевшись к номеру, и спохватилась лишь тогда, когда он свернул на другую улицу. Сара не стала суетиться, махнула рукой и решила развеять душевное смятение, прокатившись по городским улицам.

– Давненько же я тут не бывала! – изумилась Сара, когда автобус вдруг нырнул в ярко освещенный туннель. Видела по «Новостям» открытие новых городских трасс, но в действительности все было более впечатляющим. Как много перемен! Будто в другой город попала. Да-а, похоже, сегодня у неё день открытий.

Две женщины, сидевшие позади Сары и очень эмоционально, хотя и вполголоса, обсуждавшие родоплеменные отношения своих дагестанских кунаков, отвлекли ее от созерцания стремительно меняющихся облик улиц. Эта парочка поначалу раздражала ее. Но прислушавшись к беседе женщин, Сара чуть было не рассмеялась. То, что пожилые лезгинки (судя по всему, дело обстоит именно так) считали скандальной ситуацией, человеку со стороны показалось бы обыкновенным анекдотом.

– Ловко обвела меня вокруг пальца дочь лудильщика Магомедали!

– Уж не того ли, из села Казмача?

– Того самого. Откуда, спрашивается, у Магомедали Амбуча, который и спал в бараньей папахе, потому что в сакле гвоздя не было, чтоб ее на ночь повесить, деньги на «Порше» или «Бумер»?

– Раньше надо было себе этот вопрос задать.

– Так ведь святыми клятвами клялась, что отец купил белый «Порше» и черный «Бумер». И отдаст их в приданое внучкам! Могилами предков клялась! Душами детей клялась! Как не поверить?! Сосватали мы с кумой ее носатых выхухолей своим сыновьям.

– Что за твари такие «хухоли»?

– Выхухоли. Крысы водяные. То ли кроты. Мерзкие с виду. Носы длинные. По телевизору недавно показывали. Да не в них дело! Вот, говорю, как провела меня Хасият! Жаба казмачинская!

– Обманул, что ли, старик?

– Про белый «Порше» и черный «Бумер» не обманул. Только оказалось, так ослов его звали! Белого – Порше. А черного – Бумер.

– Ах, старый пройдоха! Удивляюсь тебе – ты же умная женщина! Какое у казмачинки может быть приданое? Мешок капусты разве что.

– Вот и я говорю: без ворожбы не обошлось!

Слушая женщин, Сара с трудом сдерживала себя, чтоб не рассмеяться. Пассажирка автобуса, которая опростоволосилась, погнавшись за богатым приданым, не могла смириться с тем, что стала жертвой собственного корыстолюбия. Куда проще списать все на колдуйбабство. Впрочем, Саре удалось на какое-то время отвлечься от пережитого потрясения, и она была благодарна своим попутчицам. Ситуация не нова: кто-то наказан за излишнюю доверчивость, кто-то за жадность. Может быть, не стоит принимать все так близко к сердцу? Черное и белое в этой жизни так тесно переплетаются, что часто затрудняешься дать происходящему верную оценку. Должно пройти время. Когда возмущенные «жюльничеством» родственников горянки покинули автобус, Сара даже заскучала. В их «архиве» наверняка имелось множество подтверждений ушлости старого казмачинца, так ловко и без особых усилий пристроившего своих непривлекательных внуков.

День ватрушки

Зея не верила своим глазам: за ночь сугробов намело по окна первых этажей! И это те самые «временами осадки в виде снега», которые обещал на сегодня «прогноз погоды»? Никто и не рассчитывал на майское утро 31 января, но такой метели и в самые холодные зимы давненько не бывало.

– Дети расстроятся, – думала Зея, вынимая из холодильника молоко и яйца, чтобы успеть замесить сдобу до того, как дети проснутся. Сегодня они планировали поход в кино и обед в кафешке около кинотеатра. Сосиски там вкусные, в «кишочках». Хорошая кафешка, из разных концов города сюда приходят посетители. Чисто, уютно, вкусно и сытно. Хозяйин умница, марку держит. Зея вздохнула, представив, как огорчатся дети из-за перемены планов на воскресный день.

В последний год прогулки вчетвером стали редкими. Приходилось подрабатывать дополнительно. Родители деток, больных ДЦП, в один голос говорят: у Зейнаб-ханым рука легкая. Опытная и ответственная массажистка, она не может отказать даже самым безнадежным своим пациентам.

Каждый раз, провожая их взглядом, полным сочувствия и ласки, она благодарит Бога за то, что сия чаша минула ее собственных детей. Что может быть ценнее для матери, чем их здоровье и благополучие! Любую усталость и уныние как рукой снимает, когда видишь своих здоровеньких деток, сосредоточенно собирающих конструктор или улыбающихся во сне. Вчера, проверяя дневник старшего сына, Зея заметила затертую двойку. Сделала вид, что не заметила. Вспомнила мальчика, его ровесника, которого привозят в диспансер несчастные родители, готовые целовать ей руки после каждого сеанса массажа. Сколько двоек и шалостей простили бы они своему сыночку, случись чудо выздоровления!

Да, жаль, очень жаль, что поход в кино сегодня отменяется...

Зея замесила тесто, накрыла миску полотенцем, поставила на огонь чайник и бесшумно вышла из кухни. Время раннее, спят еще ее котятка.

Тихонечко, чтоб не разбудить детей скрипом, приоткрыла дверь в комнату, заглянула и удивилась: старшие прильнули к окну, не давая возможности трехлетнему братишке протиснуться к подоконнику. Он пытался дотянуться до подоконника то с одной стороны, то с другой, то стараясь растолкать старших – безуспешно! Но более всего удивила Зею тишина, сопровождающая эту сцену.

Обычно пробуждение по выходным было шумным и веселым.

– Доброе утро, киски мои! – Зея взяла на руки малыша, чтоб и ему стало видно происходящее за окном, занесенный снегом двор и сорванные ветром качели.

– Какое же оно доброе? – уныло ответил старший сын. – Все планы наперекосяк...

– И даже во дворе не погулять, – вторила ему 10-летняя дочка, почёсывая плечо. – Накрылось снежочком кино, сосиски метель унесла...

– Стучатся снежинки в окно, а мама пирог испекла, – продолжила рифму Зейнаб. У нее это всегда хорошо получалось. Дети засмеялись, обняли маму. – А что нам метель, мы назло ей такой пир закатим!

– Вчетвером?..

– Пока вчетвером, – хитро улыбнулась Зея. У нее неожиданно родилась такая интересная затея, что стоило попробовать. – Разрешаю сегодня весь день не снимать пижам, не убирать постелей, не повторять домашнего задания! Будем до вечера смотреть на метель, рассказывать разные истории и придумывать традиции.

– Как это? – поинтересовался старший сын.

– Скоро узнаешь, – Зейнаб ушла на кухню, оставив детей наблюдать за шалостями снежной королевы, беспощадно выдувающей все воскресные планы на про-

гулки и встречи. Через час Зейнаб вошла в комнату к детям с большим блюдом, на котором сверкали золотистыми кольцами горячие ватрушки. Она поставила блюдо на подоконник.

– Разрешаю сегодня и зубы не чистить! Налетай, братцы! Отныне 31 января объявляется праздничным днем, Днем ватрушки. Мы будем отмечать его каждый год вместе с вами, вашими детьми и внуками. Независимо от погоды и настроения. Будем собираться вместе, есть ватрушки и болтать всякую всячину.

– Красный день календаря?

– Прекрасный день календаря! – утвердительно кивнула Зейнаб.

До позднего вечера затевали разные игры, смотрели и обсуждали воскресные передачи по телеку, сочиняли дурацкие стишки, подбирая рифмы к случайным словам. А по мере поглощения невероятно вкусных ватрушек в духовке подрумянивалась новая партия. Дети были в восторге. Зее удалось-таки скрасить огорчение от несостоявшегося похода в кино. Более того – родилась прекрасная и, как показало время, устойчивая семейная традиция – отмечать 31 января День ватрушки.

Пока Зейнаб-ханым хлопотала в кухне, замешивая сдобу, поджаривая мясо и нарезаая овощи для салатиков, ножи и ложки то и дело падали из рук. Ясное дело – к гостям! Сейчас, когда семья разрослась невестками, зятем, внуками, День ватрушки обрел особую ценность. Новый год, Новруз, 8 марта, дни рождения – все это замечательно. Но такие праздники есть у всех. А День Ватрушки, рожденный искренней любовью, душевным теплом, благословенным уютом домашнего очага есть только у них.

Сегодня он особенный: ровно 30 лет назад возник он, вроде, как сам по себе, но с годами стал своего рода семейной скрепой. Ни метели, ни снега, как тогда, 30 лет назад, нет. Наоборот, не по-январски тепло, +17! Все придут обязательно. Разве что старшего внука не будет за столом, заваленным всякой вкуснятиной и стоящим в центре огромным блюдом с горой тающих во рту ватрушек. Старший внук – любимец всей семьи, студент-медик. Он далеко сейчас, в Праге.

Хлопоча у плиты, Зейнаб улыбалась своим мыслям. Она знала, что младшие внуки обязательно подарят ей свои рисунки с изображением ватрушек и родственников. А невестки сначала выпендриваются по поводу своих диет, но позже и с собой по дюжине унесут. Зейнаб-ханым предусмотрительно подготовила пакеты и контейнеры. Затренькавший телефон прервал ее мысли. Звонила младшая невестка.

– Здравствуйте, Зейнаб-ханым. Представляю, какие ароматы заполняют вашу кухню. Но у нас Туська приболела. Ничего серьезного, надеюсь. Кашляет с вечера. Вы не волнуйтесь, похоже, обычная простуда.

– Температура есть? – забеспокоилась Зейнаб.

– Невысокая, 37,2. Буду вашей солодкой отпаивать.

– Это правильно. Варенье кизилковое есть у вас?

– Закончилось. Я водителя пришлю вечером за гостинцами. Не возражаете? Заодно и кизилковое варенье передадите. Насчет булочек и сказать боюсь. Попрошу парочку, пришлете сотню. Вы не огорчайтесь, зайдем, как только Туська поправиться.

Зейнаб-ханым отложила телефон в сторону, подняла с пола упавшую ложечку, пожалала плечами – ничего не поделаешь. Выкладывая на противень ватрушки, она попыталась испривить пением подпорченное настроение и приглушить тревогу за приболевшую внучку. Тесто не любит «грустных» рук, чего доброго, не удастся.

Но через пару часов позвонила дочка и сообщила, что отсутствующие соседи сверху заливают нижние этажи, и аварийная служба безуспешно пытается устранить причину бедствия. Дочь говорила отрывисто, со слезами в голосе. Зейнаб-ханым поняла, что дело худо, попыталась успокоить дочку.

– Ты возьми себя в руки, коврики убери, сушить негде будет.

– Если б только коврики! – задыхалась от негодования дочка. – Они спальню умудрились затопить, все подушки мокрые. Мы платяной шкаф едва успели пленкой покрыть. Я побежала, мам, извини, не до ватрушек.

Зейнаб-ханым медленно вытирала руки полотенцем, глядя на подмигивающий сотовый, затем неспеша ответила. Звонил старший сын. Что-то подсказывало ей, что и у них случился некий форс-мажор.

– Боюсь тебя огорчить... – начал было сын, но мать перебила его.

– Не бойся, огорчай, сынок. Твои брат и сестра опередили тебя, – она рассказала, отчего те не придут. – Причины более, чем уважительные, но все равно грустно. А у тебя что?

– Нас Октай попросил присутствовать, – упавшим голосом ответил сын. – Дочку его сватать придут. Волнуется, испереживался весь. Ноги, говорит, едва держат. Я, говорит, ей до сих пор в день рождения кукол дарил. А она, оказывается, уже выросла... Очень просил нас с Тamarой быть в качестве группы поддержки. Но если ты так огорчилась, то мы не пойдем. Постараемся им как-то объяснить...

– Не надо, идите. Тут дело серьезное. Представляю, какой у Октая душевный паркинсон.

– Мы завтра после работы обязательно зайдем! – оживился сын. – Ты наш пай не отдавай никому. Целую, золотая ты наша!

Зейнаб-ханым налила себе чаю, положила на поднос розетки с вареньем, теплую ватрушку и понесла в комнату, к другу-телевизору. Она, конечно, все понимала и причины отсутствия детей в тридцатый День ватрушки вполне себе оправдывала. Но все же унять огорчение было сложно.

– Жаль, – говорила Зейнаб сама с собой, сидя в кресле перед телевизором и надкусывая ватрушку. – Вкусно. В этот раз особенно вкусно получилось. И творожок такой нежный.

Сердце Зейнаб радостно забилось, когда из Праги позвонил старший внук.

– Привет, бабушка Зейнабушка! Представляю, как все соберутся сегодня и облопаются твоими вкусняшками. Завидую вам! Но и твой внук не так прост. Знаешь, что я сейчас делаю? Ватрушки пеку! Я друзьям рассказал про нашу семейную традицию. Они просто в восторге. День ватрушки – это, говорят, вызов оборзевшему от бездушия человечеству. Нашел в интернете рецепт, пеку вот, надеюсь, получится. Хотя как у тебя – вред ли.

– Получится, родной мой, обязательно получится! – Зейнаб прослезилась. – Даже лучше получится. Спасибо, душа моя. Принимай эстафету, дорогой!

День как день...

– Ты что... ты спятила... а-а-а, больно! – почти по-детски всхлипывал грозный муж, более десяти лет в одностороннем порядке еженедельно лупцевавший безропотную супругу. Неужели он действительно плачет от боли? Вот так дела! Всего-то разок приложилась женушка допотопной мясорубкой до мужнего плеча, он и замахнуть толком не успел. Может, и не собирался бить ее – просто хотел муху отогнать от ее лица. Что, уж и муху нельзя смахнуть с ее щеки?

– Больно тебе, изверг? Больно?! – кричала в ответ мятежная женщина, размазывая мясорубкой, как булавой, и теряя голос от ярости. – А мне не больно десять лет терпеть твое рукоприкладство? Только и ласки, что тумачи! Только и украшения, что синяки! Все. Кончилось мое терпение! Тронь еще раз – так двину, что неделю собственными зубами срать будешь!

Бунт смиренных и терпеливых – явление не новое. Будь то событие историческое или внутрисемейное. И хотя итог второго менее драматичен и обществу карди-

нальными переменами и потрясениями не грозит, он не менее зрелищен и поучителен в локальном масштабе. Жильцы тесного дворика с интересом вслушивались в происходящее, предусмотрительно не высовываясь в окна: пусть бранятся (а хоть и дерутся!), не стесняясь посторонних глаз, дело житейское. Мясорубкой огрела мужа? И поделом. А соседи при встрече будут улыбаться, здороваться и делать вид, что их не было дома и они ничего не слышали. Тетя Эльмира, разбуженная соседской семейной баталией, спустив ноги с кровати, нащупывала ступнями тапочки. Старушка мелкими шажочками добралась до приоткрытого оконца, но тут же отпрянула, встретившись взглядом с Мадатом, соседом напротив. Он тоже, не желая смущать старую женщину в ночной сорочке, задвинул занавеску, подцепив кольцо поварешкой, которой предварительно захлопнул форточку. После ею же почесал спину. Затем все тем же многофункциональным предметом зачерпнул и попробовал только что сваренный любимый компот из сухофруктов, подвесил поварешку на ручку входной двери и растворился в полумраке комнаты – алюминиевый черпачок предупредительно ударит по двери, если кто-то решит войти без стука. Соседи так и прозвали его: «Чемча Мадат» (азерб. *чемча* – поварешка). Шутили, что он может своей третьей рукой и галстук завязывать. Соседа, побитого мясорубкой, Мадат недолюбливал. Его бы воля, добавил бы тому по башке поварешкой.

– Кажется, тут. Да-да, – двое мужчин в сине-малиновой униформе стали вносить во двор новую входную дверь. Третий давал распоряжения. – Квартира восемнадцать. Неужели ошиблись? Нет, все правильно, восемнадцать... Мы тут ставили двери. Совсем недавно. Месяца три назад, если не ошибаюсь.

Представитель фирмы не ошибался, дверь восемнадцатой квартиры заменяли полгода назад. Совсем свежая, ни царапины. Мужчина был заинтригован, но вопросов хозяйке восемнадцатой квартиры задавать не стал. В конце концов, желания клиентов не обсуждаются. И выгода налицо: чем чаще у граждан станет возникать желание заменять двери, тем наваристей будут, как говорится, щи. Добросовестный работник фирмы не знал одного – в восемнадцатой квартире дверь заменяется в пятый раз за последние три года. И этому имеется серьезная с точки зрения хозяйки, Фиры, причина. Дело в том, что три года назад умер дед ее покойного мужа, и на поминках какая-то чрезмерно подверженная фобиям деревенская родственница посоветовала ей заменить входную дверь, дабы запутать духа покойного и посланников Азраила, если те пожалуют за другими членами семейства. Фира-ханым так отчаянно уверовала в оригинальную примету, что, похоронив вслед за дедом его сына, то есть своего свекра, затем свекровь, мужа и его сына от первого брака, скормившего собственную печень «зеленому змию», каждый раз после сороковин заменяла входную дверь. Но самое удивительное и еще больше напугавшее Фиру случилось тогда, когда один из жильцов соседнего двора, заменивший красивой полированной дверью Фиры свою старую и скрипучую, вскоре помер. После этого «фирменные» двери восемнадцатой квартиры аккуратно складывались в дальнем углу двора и на всякий случай завешивались разным хламовым тряпьем. Если бы представитель «Дверей в рай», как называлась фирма, знал об этом – не реклама, а дар божий!

– Э-э-э, Фира, – качала головой тетя Эльмира, глядя на рабочих из-за чуть сдвинутой занавески. – Совсем помешалась на своих дверях. Все меняет и меняет. Кого обмануть хочет? Судьбу? Азраил адреса не перепутает. От него за новой дверью не спрячешься. Деньги зря изводит. Ну, переkrась, облицовку смени на худой конец. Столько добра пропадает. И денег. Глупая женщина, глупая. Ох, и глупая!

Будто соглашаясь с ней, проносимая мимо крыльца бордово-коричневая дверь сверкнула золотистой, изогнутой в иронической полуулыбке ручкой. В отличие от сложенных в дальнем углу предшественниц, ее некому будет заменять, в восемнадцатой квартире, кроме самой Фиры, жильцов не осталось. Вошла соседка Махур. Обычно она входила бесшумно, стараясь не потревожить старушку, если та вдруг

спит или дремлет перед телевизором. По распухшим глазам и покрасневшему носу было видно, что день начался для нее неважнецки.

– Вы уже встали, тетя Эльмира? – Махур положила на столик пакет со свежим хлебом. – Вот, хлеб принесла. Завтракали уже? Задержалась я, извините. С утра бегаю по адвокатским конторам. Кругом грабители!

– Что стряслось-то? – изумленно смотрела на Махур тетя Эльмира. Все соседи с недавних пор только и говорили о наследстве, которое нежданно-негаданно нарисовалось «из-за бугра». Кто радовался, кто завидовал, кто дивился: у Махур родственник одинокий скончался в Италии, двоюродный брат деда, которого считали пропавшим без вести в Отечественную войну. А он, как недавно выяснилось, из немецкого плена сбежал, в Триесте попартизанил да и осел после на «Итальянском сапоге». Побоялся на родину вернуться. Теперь вот нашелся, но помер вскоре. Однако успел сообщить Махур, что имущество свое (то ли дом с садом, то ли домишко с огородом) ей отписал. Радовалась как! От волнения неделю места себе не находила, есть и спать перестала. Что же такое произошло, что ее так расстроило?

– Ты плакала, что ли? – участливо спросила тетя Эльмира и снова вздрогнула, напуганная буквально брызнувшими из глаз Махур слезами. Она вмиг забыла побитого женой соседа и глупую Фиру, пытающуюся водить смерть за нос. – С наследством, что ли, ошибка?

– Какая ошибка? Это я, дура, одна сплошная ошибка! Какое наследство? Камень на мою голову! Что делать, что делать! С утра бегаю по адвокатам. Все в один голос говорят, что не надо было сразу бумагу о вступлении в права наследования подписывать. Откуда же мне знать? Как теперь из этой трясины выкарабкиваться, как?!

– Не пойму я тебя. Говори толком. Воскрес, что ли, итальянский дед?

– Не дурак же он, чтоб воскресать! Этот макаронник долгов оставил после себя вдвое больше, чем вся его помидорная фазенда стоит! Вынь да положь, Махур, сто тысяч евро! – женщина схватила со стола стакан с водой, которой тетя Эльмира собиралась запивать лекарство, выпила залпом, закрыла глаза и замолкла на несколько секунд. – Вот они, дары данайцев! Вот они, последствия халявы!

– Ты себя в руки возьми, Махур, – старалась успокоить женщину тетя Эльмира. – Наверняка какой-то выход есть. Остуди голову и адвокатам особо не доверяй. Они своего не упустят, чтоб на чужой беде рук не согреть. Начнут тебя пугать-запугивать, деньги вытягивать. На-ка, накапай себе валерьянки.

– Мне сейчас валерьянка – что мертвому припарки...Пойду я, тетя Эльмира. Мне адресочек один дали. Цепляюсь за любую соломинку... Какой-то кризисный центр. Или антикризисный. Женщинам, говорят, советами помогают. Авось, дадут дельный совет.

Старая женщина устало опустилась на стул и потянулась к стаканчику с валерьянкой, которую только что предлагала Махур. Веселенько день начался, ничего не скажешь! Тетя Эльмира глянула на телевизор, призывно рдеющий кнопкой включения, и отрицательно покачала головой: Нет, не будет усугублять своего волнения тем, что хлынет из его квадратного кратера!

Не грусти, хозяйка!

Легкий ветерок приподнял короткую занавесочку, влетая в прихожую, прошелся по краю скатерти, перебрав бахрому, и сбросил на пол открытку, на которой румяный Дед Мороз поздравлял лесных зверюшек с Новым, 1958 годом. Хева-ханым подняла с пола поблекшую, пожелтевшую по краям новогоднюю открытку. События полувековой давности вызвали грустную улыбку. Зайчонок, Бельчонок, Дед Мороз с кучей подарков, сказочные часы с застывшим в фантастической идиллии временем... Коробка с фотоальбомами, школьными тетрадками и «табелями», грамотами «за ак-

тивное участие в общественной жизни школы», поощрениями пионерского и комсомольского активиста и прочими напоминаниями о безжалостно превращенном в исторический хлам времени пылилась в стенном шкафу более двадцати лет. С тех пор, как Хеве пришлось забрать тетю Эльмиру и перебраться в ее крошечную квартиру в старом дворе, никак руки не доходили провести «ревизию» среди кучи коробок, ящиков и жестянок, заполняющих антресольную полку. Сейчас вот дошли наконец. Но, извлекая из коробок старые фотоснимки и дневники, а вместе с ними и воспоминания, Хева-ханым так и не решилась вынести их на мусорку. Обрывки детства и юности смотрели на нее глазами дошколят с утренняя в детском саду, гордых отличников в первом ряду на фото, рядом с классным руководителем, счастливых выпускников-десятиклассников, встречающих рассвет на Приморском бульваре. На дне коробки лежала жестянка с проржавевшими краями. Внутри что-то гремело. Хеве с трудом удалось открыть склеенную годами крышку. Она стала вынимать и складывать на столе содержимое жестянки: белую матерчатую сумку с красным крестом (очень важный атрибут классной санитарки), пионерский галстук с обгрызанными кончиками, сатиновая пилотка с номером звена, связка разошедшихся химических карандашей, отделанная деревом губная гармошка, от которой исходил едва уловимый запах папиного одеколона и табака. Хева поднесла гармошку к губам. Послышался просевший от ржавчины хриплый звук.

Хева включила электрический чайник и достала чашку из шкафа. Ее внимание привлек шум во дворе. Она посмотрела в окно. Трое соседских ребятишек, окружив нечто темное, спорили. Один из мальчиков пнул предмет ногой. Темный комочек пискнул.

– Не бей его! – закричала пятилетняя Зарифа и вцепилась в брата. – Он же маленький!

Хева-ханым вышла на крыльцо и увидела черного котенка, дрожащего от голода и страха.

– Что здесь происходит? Почему вы деретесь? – строго спросила она.

– Они котенка обижают! – со слезами в голосе ответила Зарифа. – Я скажу маме, она ему задаст. Разве можно котят обижать?

– Откуда он взялся?

– Сам пришел, – брат Зарифы стукнул девочку кулаком по спине. – Кто его обижает? Мы хотели его прогнать. Черные коты приносят несчастье.

– Кто тебе это сказал? Когда я была маленькой, как вы, у меня тоже был черный кот. И жили мы счастливо. Давайте его сюда! – Хева подняла дрожащего котенка, внимательно осмотрела его и занесла в дом.

Дети недоуменно переглядывались:

– Столько котят побывало в их дворе, но тетя Хева ни разу ни одного из них в дом не заносила. А этого – черного! – сразу взяла, ни с того, ни с сего.

Готовый к худшему котенок не сопротивлялся. Хева мыла его водой из-под крана и намыливала хозяйственным мылом. Обессиленный, он даже не пискнул. И сразу же уснул, просушенный мягким полотенцем и уложенный на подстилку из старого мохерового шарфика.

– Смотри, тетя Эльмира, какой красавец! – через час Хева внесла в комнату пушистого черного котенка, слизывающего остатки молока с мордочки. – Никого не напоминает?

– Хорошенький, – тетя Эльмира улыбнулась. Хева передала ей котенка.

– Оставить?

– Да-да, детка. Назовем его Мика.

– Конечно, Мика, – согласилась Хева. Она подумала, что далекое прошлое с самого утра странным образом напоминает о себе. Словно дитя, дергающее за подол, желая обратить на себя внимание. – Во двор не выпускай пока. Пусть к дому привы-

кает. Хватит с него подоконника. Я куплю ему завтра антиблошиный ошейник и корзину.

– И «виски-миски» купи.

– Не надо. Рано еще. Пусть молоко пьет.

– Твоя бабушка так же вот принесла домой черного котенка. Выхаживала его.

Помнишь Мику?

– Как не помнить! Сосиски за меня доедал. Умный был.

– Ольга тоже говорила, что у него лицо мудреца. Помнишь Ольгу Панкратовну?

– Очень смутно. У нее муж был безногий, кажется.

– Да, Гриша. Хорошие были люди, земля пухом. Когда они Мику забрали, у меня гора с плеч упала. Теперь у нас снова Мика есть, чернушечка, – старушка гладила кота, больше доставляя удовольствие себе, чем ему. – Ты вырасти его, а когда в новый дом переедешь, с собой возьми. Не отдавай никому. Ладно?

– Что за напутствия? Далеко собралась?

– Сама знаешь...

– Тетя Эльмира, – Хева старалась подавить раздражение. Ей не хотелось думать о том, что неизбежно, – ты только что говорила, что очень любишь меня. Это правда?

– Конечно, детка. Еще как правда!

– Так вот, если правда, не затевай больше при мне таких разговоров. Я не хочу, чтобы ты умирала!

– Но...

– Никаких «но»! Договорились?

– Договорились...

Угольно-чёрный Мика с интересом разглядывал парочку горлиц, запорхнувших на балкон безрассудно близко от распахнутого окна. Но им повезло – кот вполне осознавал реальные шансы десятилетнего толстяка на удачную охоту. Ему было просто любопытно, как долго эти безмозглые крыломашки намерены испытывать судьбу, находясь в поле зрения притворно-безразличной вороны с дерева напротив. Однако громкий голос хозяйки спугнул птиц, и они улетели.

– Ты что удумал? Птиц ловить? – строго выговаривала Хева своему любимцу, предусмотрительно закрывая окно. – Куда тебе, свалишься, не дай бог. Пойдём, я тебе телевизор включу.

Кот лениво потянулся, спрыгнул с подоконника, благодарно потёрся об ногу хозяйки и уселся на излюбленное местечко уютного дивана в предвкушении обещанного телевизора. Зря хозяйка волнуется, не разбудили в нём глупые птицы охотничьего инстинкта. Но забота о нём приятна, кот её ценит и всеми силами старается продлить свой короткий кошачий век, чтоб не огорчать женщину. Она и без того грустит, никак не привыкнет к переменам последних пяти месяцев. За очень приличную компенсацию она купила прекрасную просторную двушку на пятом этаже новой высотки. Их старый двор и несколько других прилегающих дворов снесли. Сейчас там всю работу делают дорожные строители, превращая узенькие старые улочки в новый проспект и парковую полосу. Хозяйка по старому дому скучает. А Мике, наоборот, новый дом нравится всё больше. Спокойней стало из-за отсутствия постоянно забредающих во двор котов-чужаков. Да и вообще, благодать тут! Но ничего, скоро и хозяйке грустить некогда будет – внучка будет – внучка к ней приедет, в университет собирается поступать, жить станет с бабушкой и Микушкой, как она его называет. И жизнь побежит по новому кругу.